

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЭМИЛЯ ЗОЛА

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ЖЕРМИНАЛЬ

РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ С. Н. БАЖИНОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр. Пактисовыхъ, Вереяская, 16.

1897.

(RECAP)

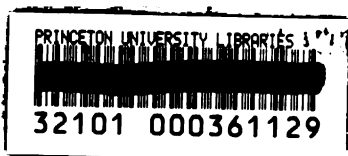
PQ 2504

.A64

1897

Редакторъ
С. С. Трубачевъ

Издатель
Г. О. Пантелеевъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Беззвѣздной темной ночью одинокій путникъ шелъ по большой дорогѣ изъ Маршѣна въ Монсу. Эти два города отстоятъ не болѣе какъ на десять километровъ другъ отъ друга, если идти прямо черезъ свекловичныя поля. Темнота была такъ велика, что путникъ не могъ даже различать почву подъ своими ногами, и только по свободно разгуливающему ледяному мартовскому вѣтру можно было догадываться, что дорога идетъ по гладкой, совершенно открытой мѣстности. Ни одного дерева не росло по сторонамъ этой дороги, и она, прямая и правильная, казалась какой-то безконечной платиной среди окружавшаго мрака.

Путникъ вышелъ изъ Маршѣна около двухъ часовъ утра. Плохо защищенный отъ холода своей изношенной курткой изъ бумажной матеріи и плисовыми панталонами, онъ шелъ быстрыми шагами. Небольшой узелокъ, обернутый сверху клѣтчатымъ платкомъ, очень стѣснялъ его, и онъ безпрестанно перекладывалъ его съ одного локтя на другой, чтобы можно было поглубже засунуть въ карманы панталонъ руки, окоченѣвшія отъ вѣтра. Въ головѣ этого безпріютнаго и натерпѣвшагося челоуѣка была только одна мысль, что, можетъ быть, къ утру сдѣлается теплѣе. Вздрагивая отъ холода, онъ шелъ по этой дорогѣ уже около часу, какъ вдругъ налѣво, километрахъ въ двухъ отъ Монсу, показался красноватый огонь. Какъ будто висѣли въ воздухѣ три жаровни съ раскаленными углями. Сначала путникъ пріостановился, объятый страхомъ, но затѣмъ не могъ устоять противъ печальной необходимости отогрѣть хоть на минуту замерзавшія руки.

Дорога спустилась въ ложбину, и видѣніе исчезло. Направо отъ путника тянулся досчатый заборъ, за которымъ шло полотно желѣзной дороги; влѣво разстилалась слегка покатая мѣстность, поросшая травой, и виднѣлись неясныя очертанія какихъ-

то стѣнѣ, словно тамъ была цѣлая деревня, съ правильно расположенными низенькими домиками. Путникъ прошелъ еще шаговъ двѣсти. Вдругъ на поворотѣ дороги онъ снова увидѣлъ огни, уже совсѣмъ передъ собою, и всетаки не могъ понять, какъ это они горятъ такъ высоко въ небѣ, точно три дымящіяся луны. Вскорѣ другая картина отвлекла его вниманіе отъ неба и заставила обратиться къ землѣ. Онъ увидѣлъ темную, громадную массу всевозможныхъ построекъ, надъ которыми возвышались силуэты заводской трубы. Кое-гдѣ въ закопченныхъ окнахъ виднѣлся свѣтъ; пять-шесть фонарей, висѣвшихъ снаружи, слабо освѣщали ряды почернѣвшихъ бревенъ, казавшихся какими-то гигантскими подмостками. Эта фантастическая картина была окутана дымомъ, и среди ночной тишины слышалось только могучее дыханіе невидимаго паровика.

Путникъ понялъ, что передъ нимъ находятся копи, и устыдился своего недавняго страха. Что пользы идти туда? Навѣрное, тамъ не найдется для него работы. Вмѣсто того, чтобы направиться къ виднѣвшимся зданіямъ, онъ рѣшился, наконецъ, взобраться на насыпь, на которой горѣлъ въ трехъ чугунныхъ жаровняхъ каменный уголь, освѣщая и въ то же время согрѣвая работавшихъ тамъ людей. Этимъ рабочимъ, вывозившимъ ненужную землю, приходилось работать поздно. Путникъ слышалъ теперь шумъ тележекъ, двигавшихся по рельсамъ, и могъ различить около огней силуэты рабочихъ, сваливавшихъ землю.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, подходя къ человѣку, стоявшему у одной изъ жаровень.

Это былъ старикъ возчикъ. Онъ стоялъ, повернувшись спиной къ огню. На немъ была надѣта вязаная фіолетоваго цвѣта фуфайка, а голову прикрывала шапка изъ шкурки кролика. Большая, желтоватой масти лошадь, не шевелясь, точно каменная, терпѣливо ожидала, пока опорожнять всѣ шесть привезенныхъ ею тележекъ. Рыжеватый, сухопарый рабочий, занимавшійся разгрузкой ихъ, неторопливо и сонно дѣлалъ свое дѣло, налегая рукою на рычагъ. Вѣтеръ еще болѣе усилился и, словно косою, рѣзалъ своимъ ледянымъ и правильнымъ дыханіемъ.

— Здравствуйте,—отвѣчалъ старикъ.

Наступило молчаніе. Путникъ чувствовалъ, что на него смотрятъ подозрительно, и поспѣшилъ объяснить, кто онъ такой.

— Меня зовутъ Этьенъ Лантье, я по машинной части,—сказалъ онъ.—Нѣтъ ли у васъ работы?

Огонь ярко освѣщалъ его. Это былъ красивый, темноволосый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати или двадцати одного года, крѣпкій на видъ, несмотря на то, что не отличался массивностью сложенія, а скорѣе былъ тонокъ и худощавъ.

Возчикъ видимо успокоился и отвѣчалъ, покачавъ головой:

— Работы по машинной части?... Нѣтъ, нѣтъ! Вчера еще приходили двое. Ничего нѣтъ.

Налетѣвшій порывъ вѣтра прервалъ разговоръ. Затѣмъ Этьенъ спросилъ, указывая на темную массу строеній:

— Это копи? Да?

Старикъ не могъ тотчасъ отвѣчать на вопросъ: его задумилъ страшный приступъ кашля. Наконецъ онъ откашлялся и плюнулъ на красноватую отъ пламени землю, на которой немедленно образовалось черное пятно.

— Да; копъ Ворё... Вотъ тутъ близко жильё...

Онъ протянулъ руку по направленію къ селенію. Тамъ виднѣлись тѣ самые низенькіе домики, которые неясно выступали изъ темноты, когда Этьенъ подходилъ къ копамъ. Телѣжки были опорожнены и старикъ двинулся впередъ, медленно ступая своими сведенными ревматизмомъ ногами; лошадь тоже тронулась, съ напряженіемъ идя между рельсами; налетѣвшій порывъ вѣтра взъерошилъ ея шерсть.

Теперь въ Ворё уже не было ничего фантастическаго. Этьенъ, позабывши отогрѣть около огня свои окоченѣвшія руки, смотрѣлъ вокругъ себя и мало-по-малу различалъ отдѣльныя части копей: пропитанный смолою сарай, въ которомъ производилась сортировка угля сквозь рѣшето, высокую постройку надъ шахтой; обширное помѣщеніе, занятое подъемною машиною; четырехугольную башенку, гдѣ помѣщалась помпа, выкачивающая воду изъ шахты. Эти копи, съ ихъ кирпичными строеніями, сбившимися въ кучу на днѣ глубокой ложбины, и съ высокой трубой, возвышавшейся, какъ грозный рогъ, представлялись Этьену страшнымъ чудовищемъ, притаившимся тутъ, чтобы броситься на міръ и пожрать его. Не сводя глазъ съ копей, онъ въ то же время размышлялъ о своемъ собственномъ положеніи безпріютнаго бродяги, напрасно отыскивающаго вотъ уже въ теченіе восьми дней хоть какой-нибудь работы. Онъ вспомнилъ о своей жизни въ мастерской желѣзной дороги, вспомнилъ о пощечинѣ, данной имъ начальнику, о томъ, какъ его прогнали изъ Лилля, какъ гнали отовсюду. Въ субботу онъ былъ въ Маршёнѣ, гдѣ, говорили, есть работа, ходилъ на механическіе заводы, и нигдѣ, ничего: ни на заводахъ, ни въ Сонневиллѣ. Онъ провелъ воскресенье на лѣсномъ дворѣ, спрятавшись между бревнами, но сторожъ выгналъ его оттуда въ два часа ночи. Нѣтъ болѣе ни гроша, нѣтъ даже крошки хлѣба... Онъ бродитъ теперь наугадъ по дорогамъ, не зная даже, куда укрыться отъ пронизывающаго насъ вѣтра, и не можетъ себѣ представить, что съ нимъ будетъ дальше... Да, это дѣйствительно были каменноугольныя копи.

Кое-гдѣ мерцавшіе фонари освѣщали плиты угля; черезъ дверь, распахнувшуюся съ шумомъ, онъ увидѣлъ пышущія пламенемъ печи. До него доносилось пыхтѣніе работающей помпы, медленное и могучее, точно дыханіе задыхающагося чудовища.

Рабочій, разгружавшій передъ тѣмъ телѣжки, сидѣлъ теперь согнувшись и даже ни разу не взглянулъ на Этьена. Молодой человѣкъ поднялъ свой узелокъ, упавшій на землю, и собирался уже снова тронуться въ путь, какъ вдругъ вблизи его раздался кашель возчика. Старикъ медленно выходилъ изъ темноты, а за нимъ слѣдовала лошадь, опять тащившая шесть телѣжекъ, снова нагруженныхъ.

— Въ Монсу есть фабрики? — спросилъ молодой человѣкъ.

Старикъ сплюнулъ чѣмъ-то чернымъ на землю и отвѣчалъ среди завыванія вѣтра:

— О, въ фабрикахъ тамъ нѣтъ недостатка! Надо было это видѣть года три-четыре тому назадъ! Все кругомъ пыхтѣло; не доставало рабочихъ рукъ, и никогда столько не зарабатывали, какъ въ то время... И вотъ, понемногу, начали подтягивать брюхо. Жалость смотрѣть, что творится во всей странѣ: рабочихъ распускаютъ, мастерскія закрываются одна за другой... Можетъ быть, императоръ въ этомъ и не виноватъ, но зачѣмъ онъ воюетъ въ Америкѣ? Я не говорю уже о томъ, что скотъ мретъ отъ холеры, какъ и народъ.

Разговаривающіе перебрасывались между собой короткими отрывочными жалобами. Этьенъ рассказывалъ о своихъ бесполезныхъ поискахъ въ теченіе цѣлой недѣли. Стало быть, надо умирать съ голода?.. Скоро всѣ дороги запрудятся нищими.

— Да, — говорилъ старикъ, — это нехорошо кончится; Богъ не допуститъ, чтобы столько христіанъ было выброшено на улицу.

— Мяса не каждый день и понюхаетъ.

— Хоть бы хлѣба-то хватало.

— Правда. Хоть бы только хлѣба хватало.

Ихъ голоса терялись въ меланхолическомъ завываніи вѣтра.

— Вотъ Монсу тамъ, — громко заговорилъ старикъ, поворачиваясь на югъ.

Онъ протянулъ руку и указывалъ пальцемъ на невидимые заводы и фабрики, по мѣрѣ того, какъ называлъ ихъ. Тамъ, въ Монсу, сахарный заводъ Фовеля еще въ ходу, но заводъ Готона уже сократилъ свои работы. Трезвонятъ какъ слѣдуетъ только канатная фабрика Блѣза, работающая канаты для копей, да Дютильёсъ съ своей хлѣбной вывозной торговлей. Затѣмъ онъ размахнулъ рукой по сѣверу, обнимая жестомъ добрую половину горизонта: мастерскія Сонневилля не получили и двухъ третей своихъ обычныхъ заказовъ; изъ трехъ доменныхъ печей на же-

лѣзныхъ заводахъ въ Маршёнѣ работаютъ только двѣ; наконецъ, стеклянному заводу Гажбуа грозитъ забастовка рабочихъ, такъ какъ поговариваютъ объ уменьшеніи заработной платы.

— Я знаю, знаю,—повторялъ молодой человѣкъ.—Я вездѣ побывалъ.

— Мы еще кое-какъ тянемся,—прибавилъ старикъ,—хотя угля стало добываться меньше. Посмотрите прямо передъ вами на Викторію: тамъ горятъ только двѣ батареи коксовыхъ печей.

Онъ харкнулъ, перепрыгъ въ пустыя тележки свою дремлющую лошадь и пошелъ вслѣдъ за нею.

Теперь Этьенъ могъ созерцать цѣлую область. Ночь стояла все такая же темная, но рука старика какъ будто бы наполнила окрестность страшными картинами людского горя, которыя молодой человѣкъ чувствовалъ въ эту минуту и вокругъ себя, и повсюду въ безпредѣльномъ пространствѣ. Не стоны ли голодныхъ разносилъ по пустыннымъ полямъ этотъ мартовскій вѣтеръ? Онъ дулъ съ бѣшенствомъ, точно будто суля смерть всякому труду, предсказывая страшную нищету, которая унесетъ со свѣта много, много людей. Съ блуждающими глазами, Этьенъ старался проникнуть въ ночной мракъ, сгорая желаніемъ и въ то же время страшась увидѣть то, что могло представиться его взорамъ. Но все сливалось и тонуло въ темнотѣ ночи, и видно было вдалекѣ только пламя доменныхъ и коксовыхъ печей. Тамъ батареи цѣлой сотни трубъ, неправильно разбросанныхъ, представляли линію красныхъ огней, а нѣсколько лѣвѣе поднимались къ небу, точно гигантскіе факелы, двѣ башни, увѣнчанныя голубоватымъ пламенемъ. Это зрѣлище производило грустное впечатлѣніе пожара. На грозномъ небѣ не сіяло иныхъ звѣздъ, кромѣ ночныхъ огней этой страны угля и желѣза.

— Вы не изъ Бельгіи ли? — раздался позади Этьена голосъ возчика, возвратившагося съ новой кладью.

На этотъ разъ онъ привезъ только три тележки: въ подъемномъ ящикѣ сломалась гайка и остановила всю работу на добрую четверть часа. Внизу водворилось глубокое молчаніе; не слышно стало глухого грохота тележекъ. До слуха долетали только отдаленные удары молота по листу желѣза.

— Нѣтъ, я съ юга, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Рабочій, опорожнявшій тележки, выгрузилъ ихъ и пристѣлъ на землю, очень довольный случившейся поломкой. Онъ все также угрюмо молчалъ и только глядѣлъ своими большими потухшими глазами на возчика, какъ будто утомленный его болтовней. Въ самомъ дѣлѣ, старикъ никогда не проявлялъ такой болтливости. Можно было предположить, что или незнакомый молодой человѣкъ очень понравился ему, или имъ просто овладѣло то страстное же-

ланіе поболтать, которое иногда заставляет стараго человѣка разсуждать вслухъ съ самимъ собой.

— А я изъ Монсу и зовутъ меня Боньморъ,—сказалъ онъ.

— Это прозвище?—спросилъ удивленный Этьенъ.

Старикъ самодовольно усмѣхнулся и, указывая на Ворё, проговорилъ:

— Да, да... Меня три раза вытаскивали оттуда чуть не по кусочкамъ: въ первый разъ вытащили съ обгорѣлой шкурой, во второй—набитымъ землей по самую глотку, а въ третій—наглотавшимся столько воды, что брюхо у меня раздулось, какъ у лягушки... Когда товарищи увидѣли, что я вовсе не хочу умирать, тогда они, для смѣху, и прозвали меня «Боньморъ».

Его хорошее настроеніе духа удвоилось, и онъ даже засмѣялся. Смѣхъ этотъ походилъ на скрипъ плохо смазаннаго блока и перешелъ въ страшный приступъ кашля. Свѣтъ отъ жаровни падалъ теперь прямо на него и освѣщалъ его большую голову, покрытую совсѣмъ бѣлыми, рѣдкими волосами, и плоское, мертвенно-блѣдное лицо, испещренное синеватыми пятнами. Онъ былъ маленькаго роста, съ огромной шеей, вывороченными наружу икрами и пятками, длинными руками, квадратныя кисти которыхъ доставали до его колѣнъ. Какъ его неподвижно стоявшая лошадь, повидимому, вовсе не ощущала холода и казалась каменной, такъ и онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на ледяной вѣтеръ, свиставшій ему въ уши. Откашлявшись, онъ плюнулъ, и на землѣ опять осталось черное пятно.

Этьенъ смотрѣлъ то на старика, то на черное пятно на землѣ.

— Вы давно работаете въ коняхъ?—спросилъ онъ.

Боньморъ широко развелъ руками.

— Давно ли? О, да!—воскликнулъ онъ.—Мнѣ еще не было восьми лѣтъ, когда я въ первый разъ спустился подъ землю, именно здѣсь, въ Ворё; а теперь мнѣ пятьдесятъ восемь. Посчитайте-ка, сколько выходитъ? Я исполнялъ тамъ всевозможныя работы. Покуда былъ малъ, я находился при снарядѣ, который передвигаетъ тамъ, подъ землей, нагруженные телѣжки въ одну сторону, а пустыя—въ другую. Потомъ, когда сталъ въ силахъ таскать телѣжку, я сдѣлался отватчикомъ. А затѣмъ, цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ, былъ забойщикомъ. Послѣ того, по милости моихъ проклятыхъ ногъ, меня поставили на земляныя работы, и я засыпалъ и чинилъ подземныя галереи до тѣхъ поръ, пока докторъ не велѣлъ совсѣмъ вывести меня изъ подъ земли. Онъ сказалъ, что иначе я останусь тамъ навсегда. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ я справляю должность возчика... Гм... Недурно: поработать на коняхъ пятьдесятъ лѣтъ и изъ этихъ пятидесяти, сорокъ пять пробывать подъ землей!

Буски раскаленного угля, выпадавшие по временамъ изъ жаровни на землю, набрасывали на блѣдное лицо старика кровавую тѣнь.

— Они совѣтуютъ мнѣ отдохнуть, — продолжалъ онъ, — а я не хочу; я не такой дуракъ, какимъ они меня считаютъ... Я еще отлично проработаю два года, то есть, до шестидесяти лѣтъ, и тогда мнѣ дадутъ пенсію въ сто восемьдесятъ франковъ. Если же я распрощаюсь съ ними сегодня, то они мнѣ назначатъ только сто пятьдесятъ. Вѣдь они хитрые, черти! Къ тому же, я еще здоровъ и крѣпокъ... Вотъ только мои ноги... Это, видите ли, вода забралась подъ кожу; она частенько поливала меня, когда я былъ забойщикомъ. Бываютъ дни, когда я безъ крику не могу пошевелить лапой.

Онъ снова раскашлялся.

— Съ тѣхъ поръ вы и кашляете? — спросилъ Этьенъ.

Старикъ отрицательно помоталъ головой, затѣмъ, откашлявшись, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ; это я простудился въ прошломъ мѣсяцѣ. Прежде я никогда не зналъ кашля, а теперь никакъ не могу отвязаться отъ него. И что всего забавнѣе, я харкаю, харкаю...

Ему опять понадобилось прочистить горло, и онъ выплюнулъ что-то черное.

— Это кровь? — рѣшился, наконецъ, спросить Этьенъ.

Боньморъ медленно обтеръ ротъ рукою.

— Это уголь... Во мнѣ его столько, что хватитъ на топливо до конца моихъ дней, а между тѣмъ, вѣдь уже пять лѣтъ, какъ нога моя не была тамъ, подъ землей. Нужно думать, что онъ лежалъ внутри меня въ магазинѣ, а я объ этомъ и не догадывался. Какъ видно, онъ долго сохраняется!

Наступило молчаніе. Правильные удары молота раздавались вдалекѣ; вѣтеръ жалобно свистѣлъ, точно будто стоны голодныхъ и измученныхъ людей неслись изъ ночной темноты. Стоя передъ колеблющимся пламенемъ жаровни, старикъ весь предался воспоминаніямъ прошлаго и продолжалъ говорить, слегка понизивъ голосъ. Да, это вѣрно, что онъ и его семья работаютъ на копяхъ не со вчерашняго дня! Ихъ родъ служить компаніи копей въ Монсу съ самаго ихъ основанія, а это было очень давно: сто шесть лѣтъ тому назадъ. Его прадѣдъ, Гильомъ Магѣ, пятнадцатилѣтнимъ мальчишкой, открылъ богатые залежи каменнаго угля въ Рекильярѣ. Это были первыя копи компаніи, теперь уже заброшенныя, и находились около сахарнаго завода Фовеля. Вся страна знала, что честь открытія принадлежала дѣду, и даже копи назывались его именемъ. Боньморъ не зналъ его и только слышалъ по рассказамъ, что это былъ человѣкъ крупнаго тѣлосложенія,

очень, очень сильный, и умеръ въ старости, шестидесяти лѣтъ. Затѣмъ слѣдовалъ отецъ Боньмора, Николай Магё, прозванный «краснымъ». На сороковомъ году онъ погибъ здѣсь, въ Ворё, на этихъ самыхъ копахъ, которыя тогда только-что начинали разрабатывать. Случился страшный обвалъ, и Николай Магё такъ и оставилъ подъ землей и свои кости, и свое мясо. Двое дѣдей старика и три брата погибли здѣсь же, только уже позднѣе. Онъ самъ, Винцентъ Магё, вышелъ изъ подъ земли почти цѣлымъ, если только не считать ноги, которая плохо служить, и слыветъ поэтому большимъ хитрецомъ. Что же дѣлать, въ концѣ концовъ? Нужно работать. Это занятіе переходитъ отъ отца къ сыну, точно такъ же, какъ переходило бы какое-нибудь другое ремесло. Его сынъ, Туссенъ Магё, его внукъ и, наконецъ, вся его семья, которая живетъ тамъ, напротивъ — всѣ работаютъ въ копахъ. Сто шесть лѣтъ возится около каменнаго угля, подростки послѣ стариковъ, и все у одного хозяина! Гм!.. Немногіе буржуа могутъ такъ подробно разсказать свою родословную!

— Хорошо, если бы было всегда что ѣсть! — снова пробормоталъ Этьенъ.

— Я тоже говорю: жить можно, пока есть хлѣбъ.

Боньморъ замолчалъ и смотрѣлъ на виднѣвшіеся вдали домики, въ которыхъ начали мелькать, одинъ за другимъ, огоньки. На колокольнѣ Монсу пробило четыре часа; холодъ становился ощутительнѣе.

— А она богата, ваша компанія? — спросилъ Этьенъ.

Старикъ приподнялъ плечи и затѣмъ опустилъ ихъ съ такимъ жестомъ, какъ будто они подломились подъ тяжестью эю.

— О, да, о, да!.. Можетъ быть, не такъ богата, какъ ея сосѣдка, компанія въ Анзенѣ, но всетаки миллионы и миллионы... даже и не считаешь... Девятнадцать копей, изъ которыхъ тринадцать разрабатываются: Ворё, Викторія, Кручина, Сентъ-Томас, Магдалина, Фётри-Кантель и еще другія. Шесть разработаны или провѣтриваются, какъ Рекильярскія... Десять тысячъ рабочихъ; участки въ шестидесяти семи общинахъ; пять тысячъ тоннъ ежедневной добычи угля; желѣзная дорога, соединяющая всѣ копи... А сколько мастерскихъ, фабрикъ!.. О, да, да, есть деньжонки!

Раздался грохотъ тележекъ по подмосткамъ, и лошадь возника тотчасъ зашевелила ушами. Подъемный ящикъ починили; рабочіе снова принялись за свою прерванную работу. Перепрягая лошадь, чтобы спустить съ насыпи пустыя тележки, старикъ ласково разговаривалъ съ животнымъ:

— Не надо привыкать къ болтовнѣ, дрянная лѣнтяйка! — говорилъ онъ. — Что, если бы господинъ Геннебо зналъ, чѣмъ ты занимаешься вмѣсто того, чтобы работать!..

Этьенъ задумчиво смотрѣлъ въ окутанное мракомъ пространство.

— Стало быть, эти копи принадлежать господину Геннебо?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ старикъ, — господинъ Геннебо только главный директоръ и точно такъ же получаетъ плату, какъ и мы.

— Кому же, наконецъ, все это принадлежитъ?— снова спросилъ Этьенъ, проводя рукою по воздуху.

Боньморъ едва не задохнулся отъ жестокаго приступа кашля, наконецъ, откашлявшись и обтеревъ съ губъ черную пѣну, снѣ проговорилъ:

— Гм!.. Кому это все принадлежитъ?.. Этого мы не знаемъ. Людямъ, надо полагать...

Онъ указалъ рукою на какое-то отдаленное и невидимое мѣсто, населенное этими «людьми», на которыхъ семья Магё работала болѣе столѣтій. Въ голосѣ старика слышался какой-то религиозный страхъ, какъ будто бы онъ говорилъ о неприступной скрини, скрывающей никогда никѣмъ невидѣнное божество, которому Магё отдавали свое мясо.

— По крайней мѣрѣ, хотъ бы можно было досыта наѣдаться хлѣбомъ!— машинально произнесъ еще разъ Этьенъ, погруженный въ раздумье о своемъ положеніи.

— Конечно, если бы хлѣба было всегда вволю, то чего лучше!

Лошадь тронулась съ мѣста; возчикъ тоже скрылся въ темнотѣ, медленно переступая своими большими ногами. Рабочій, оставшійся около мѣста, гдѣ сваливалась земля, даже не пошевелился и продолжалъ сидѣть, скорчившись, уткнувъ подбородокъ между колѣнными и смотря въ пространство своими большими потухшими глазами.

Этьенъ держалъ свой узелокъ въ рукахъ, но все еще медлилъ снова тронуться въ путь. Онъ чувствовалъ, какъ налетавшіе порывы вѣтра оледеняли его спину, между тѣмъ какъ груди было страшно жарко отъ огня жаровни. Можетъ быть, ему все-таки слѣдуетъ поискать мѣста на копяхъ: старикъ могъ и не знать— есть или нѣтъ мѣста; къ тому же, онъ теперь рѣшился взяться за какую угодно работу. Куда идти и что съ нимъ будетъ въ этой, отошавшей отъ приостановки работъ, сторонѣ? Придется умереть подъ заборомъ, какъ какая-нибудь бездомная собака... Впрочемъ, онъ все еще нѣсколько колебался, — на него навѣвали какой-то страхъ эти копи, окутанныя ночной темнотой. Вѣтеръ, казалось, все усиливался, точно будто онъ дулъ изъ какого-то постоянно расширявшагося пространства. Ни признака разсвѣта не показывалось на мертвомъ небѣ; только доменные и коксовые печи по-прежнему пылали, распространяя вокругъ себя красноватый свѣтъ

и нимаю не освѣщая отдаленныхъ окрестностей. Копя, застѣвшія на днѣ лощины и похожія на притаившееся злое чудовище, начинали еще сильнѣе гудѣть и тяжелѣе и медленнѣе дышать, какъ будто съ трудомъ переваривая массу пожраннаго человѣческаго мяса.

II.

Селеніе «Двухсотъ-сорока» спало подѣ покровомъ темной ночи, среди хлѣбныхъ и свекловичныхъ полей. Съ трудомъ можно было различить четыре громадныя корпуса, сплоченныя изъ маленькихъ домиковъ, плотно прижатыхъ другъ къ другу. Правильныя и однообразныя, эти корпуса походили по своей архитектурѣ на казармы или госпитали и отдѣлялись одинъ отъ другого группами деревьевъ, разбитыми на математически равныя участки. Тишина нарушалась въ этой пустынной равнинѣ только гуломъ вѣтра, свободно разгуливавшаго между обнаженными отъ зелени рѣшетчатыми заборами.

Тишина царилъ въ шестнадцатомъ номерѣ второго корпуса, гдѣ жила семья Магё. Густой мракъ окутывалъ единственную комнату перваго этажа, въ которой можно было только угадывать присутствіе спящихъ людей. Они спали съ открытыми ртами, тяжелымъ сномъ рабочихъ, измученныхъ усталостью. Несмотря на холодную погоду, воздухъ въ комнатѣ былъ тепелъ и удушливъ, какъ всегда бываетъ въ помѣщеніяхъ, даже хорошо содержимыхъ, но наполненныхъ народомъ.

Пробило четыре на часахъ съ кукушкой, помѣщавшихся въ комнатѣ нижняго этажа, но никто изъ спавшихъ даже и не пошевелился; отовсюду неслись тоненькія дѣтскія всхрапыванія, аккомпанируемыя болѣе звучнымъ храпомъ двухъ человѣкъ, очевидно, взрослыхъ. Первою проснулась Катерина. Подавленная усталостью, она, по привычкѣ, сосчитала четыре удара часовъ, дошедшіе до ея слуха черезъ полъ комнаты, но не могла разомъ освободиться отъ сна. Затѣмъ, спустивъ ноги съ постели, она ощущала спички и зажгла свѣчу, все еще продолжая сидѣть на краю постели. Ея отяжелѣвшая голова невольно запрокидывалась назадъ, повинуюсь непреодолимому желанію снова упасть на подушку.

Теперь огонь свѣчи освѣтилъ квадратную, въ два окна, комнату, въ которой находились три кровати. Кромѣ того, въ ней стояли: шкафъ, столъ и два древніе, орѣховаго дерева, стула, рѣзко выдѣлявшіеся своимъ темнымъ цвѣтомъ на свѣтложелтыхъ стѣнахъ комнаты. Болѣе не было никакой мебели. На гвоздяхъ висѣло разное носильное платье; на полу стоялъ кувшинъ, а

подлѣ него—красная чашка, служившая умывальнымъ тазомъ. Кровать налѣво занималъ старшій сынъ, Захарій, двадцати одного года, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Жанлиномъ, которому скоро должно было исполниться одиннадцать лѣтъ. На кровати направо спали, обнявшись, двое младшихъ дѣтей: шестилѣтняя Ленора и четырехлѣтній Генрихъ. На третьей кровати помѣщалась Катерина съ сестрой Альзирой, такой худенькой, несмотря на свой девятилѣтній возрастъ, что дѣвушка и не чувствовала бы ея присутствія на постели, если бы только этотъ маленькій уродецъ не толкалъ ее по временамъ своимъ горбомъ. Растворенная стеклянная дверь вела въ узенькій корридоръ, изъ котораго шла лѣстница въ нижній этажъ. Въ этомъ корридорѣ стояла четвертая кровать, занимаемая отцомъ и матерью, а подлѣ нихъ пріютилась колыбель послѣдняго ребенка, трехмѣсячной Эстеллы.

Наконецъ, Катерина кое-какъ освободилась отъ одолѣваемаго ее сна. Она потягивалась и запускала руки въ свои рыжіе волосы, перепутавшіеся у нея на лбу и на затылкѣ. Дѣвушка смотрѣла совсѣмъ ребенкомъ, хотя ей было уже шестнадцать лѣтъ. Узкая рубашка оставляла открытыми только ея синеватыя ноги, точно татуированныя углемъ, и молочной бѣлизны тоненькія руки. Цвѣтъ лица Катерины былъ синевато-блѣдный: онъ успѣлъ уже испортиться отъ умыванія грубымъ чернымъ мыломъ. Она зѣвнула въ послѣдній разъ. Ротъ ея, съ превосходными зубами и безкровными деснами, былъ немного великъ; сѣрые, слезящіеся отъ борьбы со сномъ, глаза смотрѣли не весело и устало; во всей ея полу-обнаженной фигурѣ сказывалось тоже утомленіе.

Изъ узенькаго корридора послышалось глухое бормотанье Магё.

— Чортъ возьми! Пора вставать! Это ты, Катерина, зажгла огонь?

— Я, отецъ... Внизу пробило четыре.

— Торопись же, лѣнтяйка! Если бы вчера поменьше плясала, такъ и разбудила бы насъ пораньше. Вотъ настоящая-то лѣнвица!..

Магё продолжалъ ворчать, но сонъ снова овладѣлъ имъ, и его воркотня сдѣлалась сначала отрывистой и невнятной, а затѣмъ перешла въ храпѣніе.

Дѣвушка ходила по комнатѣ босикомъ и въ одной рубашкѣ. Проходя мимо постели Генриха и Леноры, она поправила сбившееся на полъ одѣяло; ребятишки, спавшіе крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ, даже и не пошевелились. Проснувшаяся Альзира молча заняла мѣсто старшей сестры и лежала теперь съ открытыми глазами.

— Захарій, пора вставать. Жанлинъ, вставай же!—твердила

Катерина, остановившись передъ кроватью братьевъ, продолжавшихъ лежать, уткнувъ носы въ подушку.

Она потрясла за плечо старшаго брата, но тотъ отвѣчалъ ей руганью. Тогда она сочла за лучшее стащить съ нихъ одѣяло. Они отбивались отъ нея, болтая голыми ногами; это показалось ей такъ смѣшно, что она расхохоталась.

— Это глупо; оставь меня въ покоѣ, — сердился Захарій, вскакивая и садясь на постель. — Терпѣть не могу такихъ шутокъ!.. Господи, нужно вставать!..

Онъ былъ худъ и неуклюжъ, съ длиннымъ лицомъ, на которомъ едва пробивалась рѣденькая борода. Волосы у него были желтоватые, а цвѣтъ лица такой же блѣдный и болѣзненный, какъ и у прочихъ членовъ семьи Магё. Рубашка поднялась у него выше живота, и онъ спустилъ ее, но не изъ чувства стыдливости, а просто потому, что ему стало холодно.

— Внизу уже пробило четыре, — твердила Катерина. — Ну, скорѣе, отецъ сердится!

Жанлинь, свернувшись въ клубокъ, закрылъ глаза, проговоривъ:

— Убирайся!.. Я сплю!

Она снова засмѣялась своимъ добрымъ смѣхомъ. Мальчикъ былъ очень малъ ростомъ и худъ; одни только суставы его рукъ и ногъ, распухшіе отъ золотухи, казались огромными. Катерина схватила его въ охапку, но онъ барахтался и колотилъ ногами. Его блѣдная обезьянья мордочка, съ головой, покрытой курчавыми волосами, съ широкими ушами и зелеными глазами, еще болѣе поблѣднѣла отъ безсильной злобы. Не говоря ни слова, онъ укусилъ сестру за правую грудь.

— Злой чертенокъ! — прошептала она, опуская его на полъ и едва сдерживая готовый вырваться крикъ боли.

Альзира не спала и лежала закутанная одѣяломъ до подбородка. Она слѣдила своими умными глазами за движеніями сестры и братьевъ, которые стали, наконецъ, одѣваться. Скоро новая ссора завязалась около умывальнаго таза: братья нашли, что сестра очень долго моется, и принялись отталкивать ее отъ таза. Рубашки дерущихся разлетались во всѣ стороны, но это ихъ нисколько не стѣсняло, и они мылись вмѣстѣ, ничуть не стыдясь, съ полной непринужденностью молодыхъ собакъ, выросшихъ вмѣстѣ. Катерина была готова первая. Она надѣла свои панталоны углекопа, натянула на себя полотняную куртку и подобрала сзади волосы подъ маленькій голубой чепчикъ. Въ этомъ костюмѣ, покуда еще опрятномъ, такъ какъ сегодня былъ первый рабочий день недѣли, она совершенно походила на мальчика, и только легкое раскачиваніе бедрами изобличало ея полъ.

— Старикъ скажетъ спасибо, когда придетъ домой и найдетъ постель холодную,—съ ехидствомъ замѣтилъ Захарій.—Я скажу ему, что это ты сбросила одѣяло на полъ.

Онъ говорилъ о своемъ дѣдѣ, старомъ Боньморѣ, который работалъ по ночамъ, а на день возвращался домой. Для него всегда находилась теплая постель, такъ какъ на ней непремѣнно кто-нибудь да храпѣлъ.

Катерина молча подняла одѣяло и прикрыла имъ постель. За стѣнной комнаты, въ сосѣднемъ домѣ, слышался шумъ. Стѣны этихъ кирпичныхъ домиковъ, выстроенныхъ компаніей экономическимъ способомъ, были настолько тонки, что сквозь нихъ проходилъ малѣйшій звукъ. Люди жили, такимъ образомъ, бокомъ о бокъ, и ни одна мелочь домашней жизни не оставалась тайною даже для подростковъ. Лѣстница сосѣдняго дома закрипѣла подъ чьими-то тяжелыми шагами; затѣмъ послышалось паденіе какого-то мягкаго тѣла, сопровождаемое тихимъ вздохомъ удовольствія.

— Отлично!—проговорила Катерина. — Левакъ ушелъ, а Бутелу занялъ его мѣсто на постели.

Жанлинь смѣялся; даже въ глазахъ Альзиры мелькнулъ смѣхъ. Они каждое утро подсмѣивались надъ своими сосѣдями. За стѣною жилъ забойщикъ и держалъ у себя жильца, рабочаго при земляныхъ работахъ. Такимъ образомъ, у жены забойщика было два мужа: одинъ—на ночь, а другой—на день.

— Филомена кашляетъ,—снова проговорила Катерина, прислушавшись.

Она говорила о старшей дочери Левака, девятнадцатилѣтней дѣвушкѣ, любовницѣ Захарія, отъ котораго у ней было уже двое дѣтей. Филомена страдала грудью и поэтому не могла работать въ подземныхъ галереяхъ, а была простѣвальщицей.

— Да, Филомена... ей наплевать; она спитъ!—отвѣчалъ Захарій.—Какое свинство спать до шести часовъ!

Онъ началъ натягивать панталоны, но вдругъ что-то вспомнилъ, подошелъ къ окну и растворилъ его. Селеніе просыпалось; сквозь щели занавѣсокъ замелькали одинъ за другимъ огоньки. Магѣ опять заспорили: Захарій высунулся въ окно, чтобы подкараулить, не выйдетъ ли отъ Пьерронъ, живущихъ напротивъ, надсмотрщикъ Дансаэртъ, котораго подозрѣвали въ связи съ женой Пьеррона. Катерина утверждала, что сосѣдъ дежурилъ вчера днемъ при подъемной машинѣ и, слѣдовательно, провелъ ночь дома, такъ что Дансаэртъ ни въ какомъ случаѣ не могъ придти къ его женѣ. Холодный вѣтеръ порывами врывался въ окно, братья и сестра горячились, отстаивая достовѣрность своихъ свѣдѣній, какъ вдругъ раздался громкій плачь. Это расплакалась Эстелла въ своей колыбели, обезпокоенная холодомъ.